

Порой приходится признать: близкие души понимают друг друга без слов. Прогуливаясь по разбитой мостовой, господин Тургенев внезапно замер возле скорчившегося у обочины человека. Осмотрев его раны, он с абсолютной уверенностью заключил, что это почерк Полины.

— Какая ностальгия, — пробормотал он с мягкой улыбкой. — Когда мы только познакомились, она точно так же стояла на защите слабых, сжимая в руках верный револьвер.

Аль-Хайтаму на миг показалось, будто от Тургенева повеяло благообразным старческим теплом. Писатель выглядел вполне бодрым мужчиной средних лет, однако это ничуть не мешало ему делиться затянувшейся романтической историей в духе классического сюжета «дама спасает рыцаря».

Впрочем, Тургенев ограничился лишь парой фраз. Мрачные декорации вокруг едва ли располагали к сентиментальным излияниям и нежным розовым тонам.

Увлекая за собой угрюмо молчащего ребенка, Аль-Хайтам шагал следом за эспером. Статус превосходящего эспера говорил сам за себя: они продвигались вперед без малейших задержек, и братья за оружие им попросту не приходилось.

Оглядывая аккуратные ряды поверженных противников, Аль-Хайтам подметил любопытную деталь. Стоило этим марионеткам получить смертельный удар, как искажавшая их тела скверна бесследно испарялась. словно чье-то чужое сознание, удерживающее их в узде, мгновенно покидало эту реальность.

Происходящее живо напоминало ему хаос, некогда охвативший Терминал Акаши. Вот только здешний кошмар разворачивался наяву: Хайтам доподлинно знал, что крепко стоит на ногах и не блуждает в лабиринтах чужих сновидений.

Сопоставив увиденное с природой здешних причудливых эсперских способностей, он пришел к логическому выводу: гибель в этом пространстве служила своего рода предохранителем, принудительно выбрасывающим сознание наружу.

«Сколько еще это продлится?»

Аль-Хайтам закинул голову, всматриваясь в затянутый дымкой небосвод. Почти полная луна походила на гигантский циферблат, отсчитывающий мгновения до неизбежного финала.

«Значит, нужно поторопиться».

Он не забыл, ради чего пустился в этот путь.

В тишине ночных улиц вдруг эхом раскатились два радостных, полных облегчения возгласа:

— Полина! —

— Иван! —

Родственные души, годами общавшиеся лишь на страницах писем, наконец-то воссоединились наяву.

Правда, антураж для столь долгожданной встречи выдался весьма сомнительный. Путь Полины был усеян телами поверженных врагов, а позади Тургенева живописной цепочкой лежали марионетки-разбойники, имевшие глупость преградить ему дорогу.

Убедившись, что перед ними союзники, старые друзья опустили оружие. Напряжение, сковывавшее плечи, мгновенно спало.

— Иван, ты тоже заметил? — Полина небрежно закинула винтовку на плечо. — Нападающие слабеют с каждым разом. Будто сила, которой их наделили, стремительно иссякает.

Долгие расспросы и дружеские излияния решено было отложить на потом. Сейчас перед ними стояла куда более насущная задача — разобраться, что за чертовщина творится в Москве.

— Те марионетки, что попались мне под конец, и впрямь не чета первым безумцам, — подтвердил Тургенев, задумчиво потирая подбородок.

— Пространство стабилизируется, — негромко вмешался в разговор Аль-Хайтам. — Похоже, вмешалась некая посторонняя сила, ослабившая контроль кукловода.

И действительно: недавний морок понемногу рассеивался. На смену исступленному фанатизму приходило глухое оцепенение. На улицах становилось тише — те немногие, к кому вернулся разум, спешили укрыться в полуразрушенных домах.

Но что послужило толчком? Не зная ни личности зачинщика, ни истинной природы этого наведенного кошмара, они могли лишь гадать, запертые в границах призрачного города.

— Это дело рук господина В и Гоголя... Они разыграли этот спектакль вместе, — внезапно подал голос Фёдор. Он сидел, съежившись, и бубнил себе под нос, словно нехотя делаясь важнейшей тайной.

Однако его тихий шепот не укрылся от чуткого слуха присутствующих.

— Господин В... — повторил Аль-Хайтам.

Последний кусочек мозаики наконец-то встал на свое место, и картина произошедшего прояснилась.

— Ты знаком с этим типом? — прищурился Тургенев.

— В некотором роде, — отозвался Хайтам. — Это эсперское воплощение Булгакова. Судя по размаху, он и впрямь возомнил себя Сатаной.

Аль-Хайтам вкратце обрисовал им характер господина В. Суть сводилась к тому, что этот черт был одержим погоней за острыми ощущениями и неожиданными поворотами — причем его одинаково забавляли как собственные каверзы, так и чужие попытки дать ему отпор.

— Значит, этот негодяй превратил Москву в свой личный балаган? — прорычала Полина, сжав кулаки.

— Руки чешутся свернуть ему шею и сыграть его башкой в футбол, — холодно процедил Тургенев.

Для обоих превосходящих эсперов это было прямым оскорблением. Пусть они частенько критиковали родину, то была критика любящих сердец, радеющих за свое отечество. Москва была их сердцем, их столицей, которую они мечтали поднять из руин, — и видеть, как над ней глумится потусторонняя тварь, они не намерены.

— Как нам до него добраться? — Тургенев вперил в Аль-Хайтама тяжелый, пронзительный взор. Впрочем, ярость в его глазах предназначалась вовсе не юноше.

Аль-Хайтам ненадолго задумался, пытаясь предугадать ход мыслей господина В. Выходило классическое приключение в духе рыцарских баллад: отважным героям предлагалось пробиться сквозь полчища чудовищ, преодолеть смертоносные препятствия, добраться до парящего в небесах готического замка и сокрушить восседающего на троне повелителя тьмы.

Звучало как детская сказка, однако суровая реальность плевать хотела на законы жанра. Сила Тургенева была лишь слегка приглушена, но отнюдь не иссякла, а Аль-Хайтам, хоть и страдал от нехватки сведений о здешнем мире, дураком никогда не был. Зачем играть по чужим правилам, если можно их сломать?

— Тучи слишком плотные, ничего не разглядеть, да и на земле ловить нечего. Они окопались где-то в вышине, — подытожила Полина.

Сопоставив ее сбивчивый отчет с выводами Аль-Хайтама, Тургенев понял главное: здешний иллюзорный мир временный, и любые радикальные действия против кукловода не повлекут за собой фатальных последствий в реальности. Недолго думая, писатель вскинул винтовку и активировал свою эсперскую способность — «Записки охотника». Раздался оглушительный

выстрел. Пуля свечой ушла в небо, пробила тяжелую пелену облаков и, повинаясь законам баллистики, устремилась вниз, аккуратно в макушку почивающего на лаврах господина В.

Даже древнему, повидавшему виды искусителю порой приходилось признавать, что у этих смертных чертовски непредсказуемые фокусы.

— Ну вот, теперь этот шутник усвоит урок вежливости, — хмыкнул Тургенев, любовно протирая дуло винтовки.

В его арсенале имелось множество особых патронов, и для Сатаны он приберег самый изощренный заряд. Пуля должна была погрузить Воланда в его же собственный кошмар, заперев его сознание в хрупком, немощем теле обычного смертного. Пусть на своей шкуре почувствует все прелести сотворенного им хаоса.

Писатель никогда не скупился на свинец для тех, у кого помутился разум, и был готов пичкать их пулями до полного просветления.

Остальные лишь безмолвно переглянулись. Снять финального босса выстрелом из другой локации — чем не подвиг? Пожалуй, это был самый бесцеремонный способ срезать путь в истории героических походов.

Наблюдая за тем, как господин В закатил глаза и мешком рухнул на пол, Толстой от души захолопал в ладоши. Старик Лев не удержался от похвалы — его старый приятель Серёжа ничуть не изменился и все так же яростно презирал любую несправедливость.

Булгаков, доселе стоявший с разинутым ртом, опомнился, тихонько подошел к распростертому телу господина В и мстительно отвесил ему пару пинков под зад. Михаил Афанасьевич тоже умел помнить обиды.

— И что нам теперь делать? — спохватился Булгаков, закончив экзекуцию.

До него вдруг дошло: раз Воланд в отключке, иллюзия над Москвой может зависнуть намертво. Булгакова охватило легкое беспокойство. Все-таки господин В оставался его эсперским порождением, и, если приглядеться, за недосмотр над разбушевавшимся чертом спросят именно с него. Осознав, что на него только что повесили огромную, тяжелую вину, писатель помрачнел и со злости пнул бесчувственное тело еще пару раз.

— Подождем до завтра, — рассудительно произнес Толстой. — Если морок не рассеется сам, придется тебе взять бразды правления в свои руки.

У Льва Николаевича были свои мотивы не спешить. Во-первых, он хотел дождаться, пока Аль-Хайтам и Тургенев поднимутся сюда, чтобы спокойно обсудить дальнейшие планы без лишних ушей. Во-вторых, эта неразбериха давала отличную возможность наглядно оценить

расстановку эсперских сил в столице.

В конце концов, платой за всеобщее спасение была лишь временная мигрень господина В. Простые москвичи не пострадают — для них все это безумие покажется лишь затянувшимся ночным кошмаром. Не зря же Толстой затеял этот спор с Воландом вместо того, чтобы сразу развернуть свою «Войну и мир» на весь город. А сейчас у них намечался приятный бонус. Старый классик ободряюще улыбнулся испуганному преемнику.

Под тяжестью этого исполненного верой взгляда Булгаков мгновенно покрылся испариной. Ну как признаться мэтру, что собственное эсперское воплощение обычно вертело им как хотело, а сам он толком и пользоваться своей силой не умел? Сказать такое — значит сгореть со стыда. Придется помалкивать и молиться, чтобы до крайних мер дело не дошло.

Некоторое время они провели в молчании. Толстой методично заносил в блокнот приметы и способности замеченных внизу эсперов, а Булгаков пытался нащупать ту зыбкую ментальную связь, которую уловил еще в стенах лечебницы. Оба они в глубине души надеялись, что их друзьям внизу хватит смекалки добраться до парящей цитадели.

— И как нам, черт возьми, взлететь? — озвучила общую мысль Полина.

Аномалия внизу слегка поутихла: кошмарные бесформенные наросты на стенах лишились сотен следящих за ними глаз, а толпы бездумных кадавров частично повалились на мостовую. Тем не менее, барьер не исчез. Путь лежал только вверх.

— Угнать военный самолет? — предложил Тургенев.

— Из нас никто не умеет им управлять, — сухо оборвал его Аль-Хайтам.

— А если отыскать летающего эспера?

— Пока мы будем прочесывать улицы и проверять каждого встречного, все уже закончится.

Перебрав еще с десяток безумных идей и отвергнув их все до единой, они наконец вспомнили о втором зачинщике, которого упомянул Фёдор. О Гоголе. Стоило сопоставить факты, как его недавнее эффектное появление — буквально свалившееся на них с небес — предстало в совершенно ином свете.

— Он жаждал прикончить Фёдора, а значит, спустился на землю добровольно, — рассудил Аль-Хайтам. — Из этого следует, что способ вернуться обратно у него точно есть.

Если господин В играл роль темного властелина, то Гоголь определенно был его главным приспешником, у которого хранился ключ от врат цитадели.

Оставался лишь один животрепещущий вопрос.

— И где нам искать этого шута?

Тургенев с Полиной выжидающе уставились на Аль-Хайтама. Тот перевел тяжелый взгляд на Фёдора. Фёдор, как обычно, продолжал усердно изображать из себя глухую стену.

— Тебе известно, где он? — без обиняков спросил Аль-Хайтам, наклонившись к мальчишке.

Глупо было тратить драгоценные минуты на игру в молчанку.

— Вам не нужно его искать, — нехотя буркнул Фёдор, бросив короткий взгляд назад. — Просто стойте на месте. Он сам нас найдет.

Словно в подтверждение его слов, из темноты переулков донесся далекий, безумный хохот. Похоже, Гоголь шел за ними по пятам все это время, вот только угнаться за их стремительным темпом сумасшедшему клоуну было непросто.

— Что ж, подождем дорогого гостя, — усмехнулся Тургенев.

Троица преследователей, держа в руках живую «приманку» в лице Фёдора, рассредоточилась по позициям. Каждый взял под прицел свой сектор, готовый пресечь любую попытку бегства безумного фокусника. Ловушка захлопнется прежде, чем он успеет это осознать.

<http://bllate.org/book/18256/1755715>